

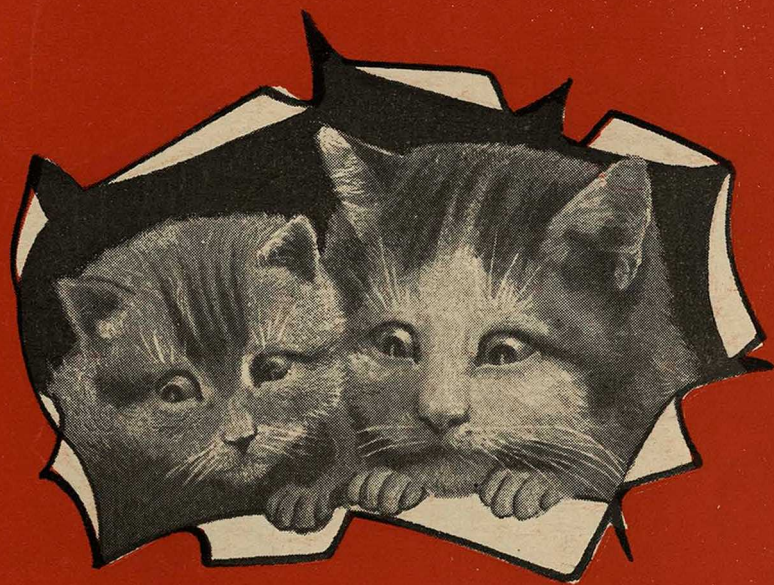
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

АПРѢЛЬ.

№ 11.

1915.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОДЪ СЪНОМЪ.

АПРѢЛЬ (стих.).

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ. Повѣсть.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ (стих.).

ВОЛШЕБНЫЕ БАШМАКИ (сказка).

ГОЛОВОЛОМКИ.

РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Звѣри (игра).

Карета-для склеиванія

THE MA

II

THE MA

II

THE MA

II

THE MA

II

THE MA

II

№ 11. Апрель, 1915.

Годъ изданія VIII-й.

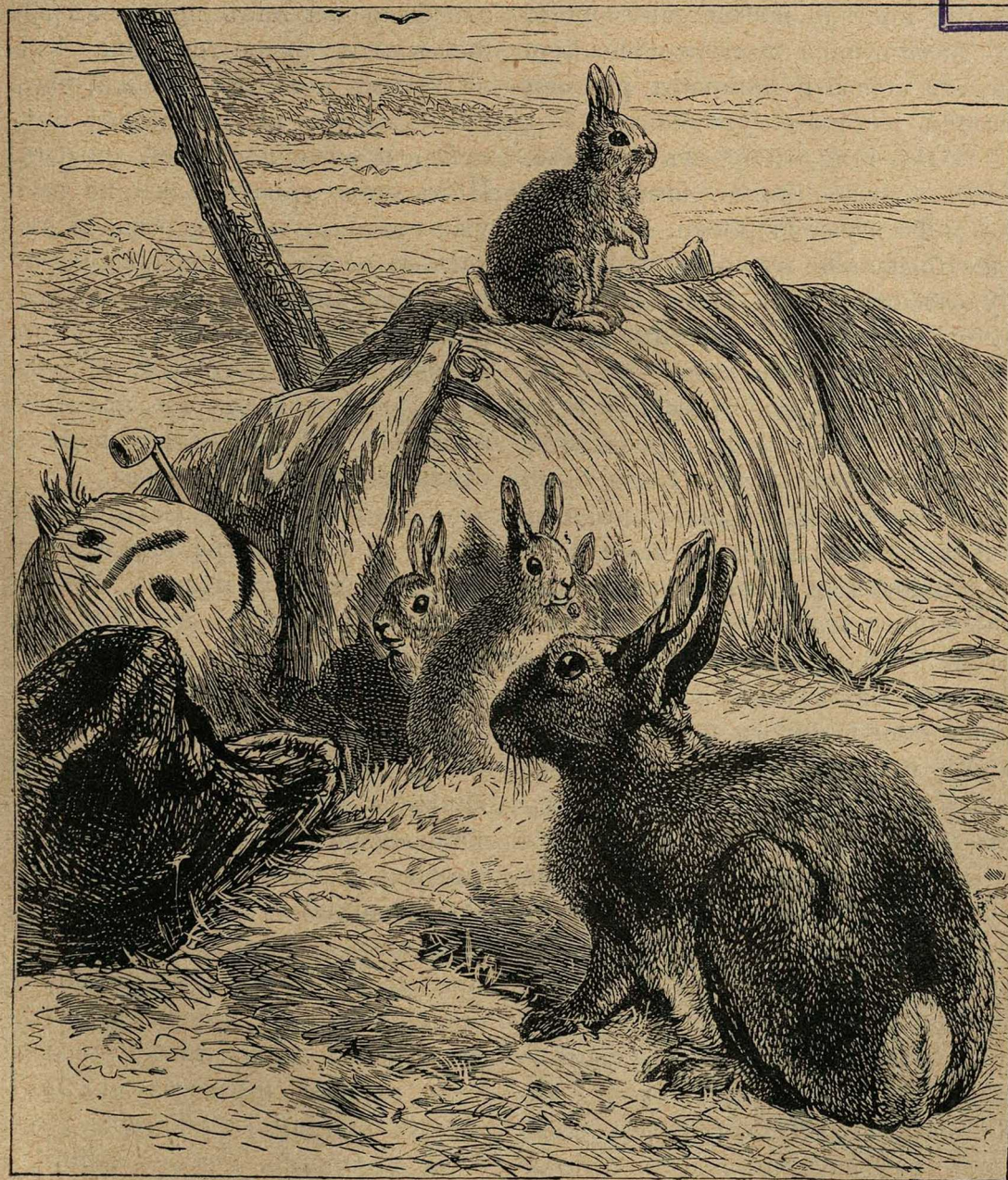
Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ, ГУМЯНЦОВСКІЙ
МУЗЕЙ

Около упавшаго пугала.

ПОДЪ СѢНОМЪ.

Мы жили въ имѣніи, далеко отъ города, и ближайшее село находилось отъ насъ въ десяти верстахъ. Когда настало время учить насъ, то мама и папа долго совѣщались между собою и наконецъ рѣшили нанять для насъ гувернантку.

— Все-таки это будетъ полезнѣе, чѣмъ держать няню, сказала мама.—Дѣти уже выросли, няня имъ уже больше не нужна и ее можно будетъ отпустить. Наймемъ фрейлейнъ или мадмуазель. Кстати дѣти научатся и языкамъ!

Папа написалъ въ городъ и со дня на день мы стали поджидать пріѣзда гувернантки. Нянь было отказано и она, бѣдняжка, вся въ слезахъ, привыкшая къ намъ, какъ къ роднымъ, и, кажется, рассчитывавшая у насъ ужъ и умереть, стала укладываться въ дорогу. Мы плакали безутѣшно, не могли себѣ представить жизни безъ любимой няни, но такова была воля родителей, и мы должны были ей подчиниться.

— Не плачьте, дѣти, утѣшала насъ няня, сама нуждавшаяся въ утѣшеніи. Я къ вамъ буду приходить...

У нея не было своего дома и она уѣзжала теперь къ двоюродному брату, который жилъ съ большою семьей верстъ за двадцать отъ насъ, и у котораго она

рассчитывала пріютиться до новаго мѣста.

Насталъ день отъѣзда няни и это было для насъ первое въ нашей жизни тяжкое горе. Она уѣхала утромъ и послѣ нея для насъ сразу какъ-то все въ усадьбѣ опустѣло и потеряло свой смыслъ. Намъ стало казаться, что не такъ уже стали шумѣть деревья и что какъ-то особенно печально, точно по покойникѣ, стали перекликаться пѣтухи. Цѣлый день мы ходили, повѣсивъ головы, и глубоко вздыхали, такъ что это даже замѣтили всѣ наши домашніе и стали надъ нами смѣяться.

— Вотъ подождите, сказала намъ мама,—послѣ завтра пріѣдетъ новая гувернантка и вамъ съ ней сразу-жо станетъ веселѣе! Она вамъ будетъ читать, рассказывать исторіи...

Рассказываль исторіи!.. Развѣ могли для насъ сравниться хоть какія-бы то ни были исторіи съ тѣми очаровательными сказками, которыя рассказывала намъ няня? Развѣ могла гувернантка рассказать намъ про крѣпостное право, про дремучіе лѣса и про постоянные дворы, въ которыхъ прятались разбойники, чтобы поджидать въ нихъ проѣзжавшихъ богатыхъ купцовъ? Всѣ сказки няни и воспоминанія изъ ея длинной

жизни мы заучили наизусть и все-таки готовы были слушать ихъ каждый день по нѣскольку разъ. Никакія развлеченія и радости лѣта не могли для насъ сравниться съ тѣми осенними вечерами, когда за окномъ дулъ злобный вѣтеръ, шумѣли деревья, дождь точно плетками стегалъ по стекламъ, а мы сидѣли въ сумеркахъ у тепленькой печки вокругъ нашей няни и, съ большими глазами и широко раскрывъ рты, слушали ея сказку или воспоминаніе изъ ея жизни.

И теперь няни у насъ уже не было. Мы должны были привыкать къ другой, которая уже не станетъ посвящать намъ столько вечеровъ и не будетъ такъ много намъ прощать и заступаться за насъ передъ папой и мамой.

— Нечего носъ вѣшать! обратился къ намъ и папа.—Теперь вы большіе! Пора уже заниматься дѣломъ!

Мы протосковали цѣлый день, но молодость взяла свое и къ вечеру мы успокоились. Къ тому-же и погода была великолѣпная, и когда наступилъ вечеръ и во всѣхъ углахъ сада защелкали соловьи и по дорожкамъ потянулся ароматъ отъ цвѣтовъ, то какъ-то невольно захотѣлось бѣгать, играть въ прятки и смѣяться.

— Давайте прятаться! предложила вдругъ Нина.

— Давайте! отвѣтилъ Боря.— Разъ, два, три!

Онъ хлопнулъ въ ладоши и я и Нина бросились бѣжать въ разныя стороны и спрятались въ кустахъ, и Боря долженъ былъ насъ искать.

За прятками послѣдовала палочка-воровочка, а затѣмъ мы такъ увлеклись, что и не замѣтили, какъ въ домѣ пробило девять часовъ. Мы бѣгали и играли уже два часа, пора было уже ложиться спать, но намъ хотѣлось побѣгать еще и еще, хотя мы уже устали и едва держались на ногахъ. Все въ усадьбѣ притихло, давно уже подоили и загнали коровъ, а мы все еще находили, что спать еще рано, и бѣгали, бѣгали безъ конца. Папа и мама были заняты, безъ няни некому было загнать насъ въ дѣтскую и уложить спать, и мы воспользовались своей свободой и рѣшили не уходить домой до тѣхъ поръ, пока насъ не позовутъ. А насъ не звали и вотъ почему:—

Такъ какъ мы жили въ глуши и лавокъ и магазиновъ около насъ не было, то раза два въ годъ къ намъ пріѣзжалъ торговецъ полотномъ и мама забирала у него его товаръ цѣлыми партіями, сразу на полгода. Онъ зналъ маминъ вкусъ и привозилъ дѣйствительно отличное полотно. Когда онъ пріѣзжалъ къ намъ и раскладывалъ въ столовой свои свертки полотень, скатерти, салфетки и вышитыя дамскія рубашки, то къ нему сбѣгались всѣ женщины нашей усадьбы и теряли головы отъ

его товаровъ. Разсматриваніе и покупка затягивались иногда на цѣлые часы и полотнянщикъ, пріѣзжавшій обыкновенно издалика, иногда оставался у насъ ночевать.

Пріѣхалъ онъ и въ этотъ вечеръ и, если о насъ позабыли и не позвали еще спать, такъ только потому, что онъ раскладывалъ въ столовой свои товары. Его громадная телѣга стояла подъ навѣсомъ, а лошадь была распряжена и мирно жевала въ конюшнѣ овесъ.

— Знаете, что? предложила вдругъ Нина, когда мы пробѣгали мимо навѣса.—Давайте заберемъ въ эту телѣгу и будемъ рассказывать по очереди сказки!

Это предложеніе было тотчасъ же принято Борей и мной и мы быстро влѣзли въ телѣгу и утонули въ лежавшемъ на ней душистомъ, свѣжемъ сѣнѣ. Было уже темно, свѣтили звѣзды, въ телѣгѣ было такъ уютно и тепло, и мы размѣстились въ ней поудобнѣе и принялись за сказки.

— Рассказывай первая ты, обратилась я къ Нинѣ.—Ты старшая!

Нина стала рассказывать одну изъ тѣхъ сказокъ, которыя разсказывала намъ няня.

— Гдѣ-то теперь наша няня? вздохнулъ Боря.

Мы вспомнили о нянѣ, намъ стало грустно и мы пріумолкли. Кругомъ было тихо, вездѣ уже были погашены огни и только въ

большомъ домѣ, въ столовой, гдѣ полотнянщикъ еще показывалъ свои товары, свѣтились три окна. Намъ стало клонить ко сну. Я слышала, какъ около меня вдругъ засопѣлъ Боря, и, будучи не въ силахъ удержаться, закрыла глаза и все слилось вдругъ въ моемъ мозгу въ одну общую картину и подалось куда-то вбокъ. Я заснула. Въ нашемъ тогдашнемъ возрастѣ—старшей изъ насъ было всего только десять лѣтъ—мы засыпали съ первой-же минуты, едва только закрывали глаза, и не пробуждались до самаго утра. Мы лежали въ телѣгѣ, зарывшись въ сѣнѣ съ головой, и крѣпко спали, а того и не знали, что насъ искали по всей усадьбѣ и что папа и мама приходили въ отчаяніе и не знали, гдѣ насъ найти. Мы узнали послѣ, что всѣ, искавшіе насъ, нѣсколько разъ проходили мимо нашей телѣги, но никому и въ голову не приходило, что мы спали именно въ ней, укрытые сѣномъ, и видѣли сладкіе сны.

Когда я проснулась, то всходило солнце и на травѣ и вѣткахъ кустарниковъ еще висѣла сѣрая роса. Щебетали птицы. Надъ рѣкою, вправо, еще висѣлъ сѣдой туманъ. Гдѣ-то далеко-далеко звонили къ заутренѣ. Былъ пятый часъ утра. Я высунула голову изъ подъ сѣна, оглядѣлась, вскочила и, полная удивленія, тотчасъ-же растолкала своихъ брата и сестру.

— Нина! Боря! Вставайте! съ испугомъ сказала я.

Они тоже вскочили и стали протирать себѣ глаза. Наша телѣга, въ которой мы такъ сладко спали цѣлую ночь, теперь катилась по дорогѣ и оставляла позади себя цѣлое облако пыли. Лошадь бѣжала бодрою рысцою и на доскѣ, служившей козлами, сидѣлъ нашъ полотнянщикъ и помахивалъ кнутомъ. На усахъ и бородѣ у него и у лошади на гривѣ и на хвостѣ тоже висѣла роса, и поэтому можно было догадаться, что мы ѣхали уже давно.

— Гдѣ мы? спросилъ въ испугѣ Боря.

— Не знаю... отвѣтила я.

Заслышавъ наши голоса, полотнянщикъ вздрогнулъ и обернулся.

— Вы какъ сюда попали?! воскликнулъ онъ въ удивленіи.

Мы не знали, что отвѣтить. Мы боялись, какъ-бы онъ насъ не наказалъ.

— Да откуда вы взялись? продолжалъ онъ, все еще не вѣря своимъ глазамъ.—Какъ вы здѣсь оказались?

Боря, какъ мальчикъ, осмѣлился первый.

— Вчера вечеромъ, сказалъ онъ,—мы сѣли въ эту телѣгу, чтобы рассказывать сказки, и...и нечаянно заснули.

Полотнянщикъ остановилъ лошадь.

— Заснули! удивился онъ.—И

вы не слышали, какъ я запрягалъ и какъ потомъ поѣхалъ?

— Нѣтъ, дяденька, ей-Богу нѣтъ!.. отвѣтили мы.

— Да какъ-же я самъ-то васъ не замѣтилъ?

— Мы... мы были подъ сѣномъ. Забрались туда и заснули!..

— Но вѣдь ваши папаша съ мамашей сбились съ ногъ, разыскивая вчера васъ. Поди, и ночь всю не спали безъ васъ. Ахъ, грѣхъ какой тяжкій! Что-же мнѣ теперь съ вами дѣлать? Да тпруу-же!

И онъ дернулъ за вожжи, чтобы остановить вновь тронувшуюся лошадь.

Мы молчали. Повидимому, и полотнянщикъ былъ озадаченъ болѣе, чѣмъ мы сами.

— Вѣдь мы отѣхали уже двадцать пять верстъ! продолжалъ онъ.—Какъ теперь быть? Не возвращаться-же мнѣ съ вами обратно! Вѣдь я тоже человѣкъ занятой.

Мы тоже не знали, что дѣлать. Мы понимали, что полотнянщику возвращаться изъ-за насъ такъ далеко было невозможно, и вопросительно поглядѣли другъ на друга.

— Вы отпустите насъ, сказала Нина,—и мы пойдемъ домой пѣшкомъ!

— Пѣшкомъ? удивился полотнянщикъ.—Да вы не дойдете! Вѣдь это далеко!

— Ничего, дяденька, мы дойдемъ!

Полотнянщикъ задумался.

— Да вѣдь не везти же васъ дальше! крикнулъ онъ на насъ въ раздраженіи.—Ахъ, батюшки мои, какая неприятность! И угораздило-же васъ залѣзть сюда и подь самое сѣно! Да тпруу-же наконецъ!

И онъ снова дернулъ за вожжи. Мы всѣ трое спрыгнули съ телѣги. Утро было замѣчательное. Свѣтило ласковое солнце, роса собралась въ капельки и сверкала, какъ брилліанты, и туманъ надъ рѣкой разсѣялся и она теперь сверкала, какъ зеркало, и блестящей лентой тянулась изъ края въ край по зеленымъ, еще не скошеннымъ лугамъ. Пѣли птицы, во ржи стучали перепела, воздухъ былъ чистый и прозрачный и такъ кругомъ все улыбалось, что какъ то невольно эта лѣтняя радость природы захватила и насъ и намъ захотѣлось вдругъ движенія, приключеній, какой-нибудь дѣятельности, въ которой мы могли-бы оказаться если и не героями, то такими-же выносливыми, какъ и большіе.

— Не бойтесь, дяденька, сказали мы.—Мы дойдемъ! Вы только покажите намъ дорогу!

— Да чего тутъ показывать? отвѣтилъ полотнянщикъ. — Такъ все идите себѣ прямо и не сворачивайте! Дорога прямая!

Мы обрадовались, взялись за руки и, какъ птицы, выпущен-

ныя на свободу, побѣжали по дорогѣ домой.

Куда вы! Куда вы! закричалъ намъ въ догонку полотнянщикъ.—Вернитесь! Вѣдь вы не дойдете! Эй!

Но мы не слушали его и все бѣжали.

Онъ долго еще стоялъ, не зная, что дѣлать, и смотрѣлъ намъ вслѣдъ. А затѣмъ, когда мы были уже далеко, онъ наконецъ хлестнулъ по лошади и поѣхалъ своей дорогой.—Будь, что будетъ! казалось, рѣшилъ онъ, и мы еще долго видѣли облако пыли, повисшее въ воздухѣ отъ его телѣги.

Въ первыя минуты мы сразу же напрягли свои силы и пошли такъ скоро, какъ только могли. Пройдя версты три, мы, конечно, уже устали и поплелись далѣе уже нога за ногу и боялись сознаться другъ другу, что у насъ не хватитъ силъ дойти до дома. Къ тому же солнце поднялось уже высоко, день обѣщалъ быть жаркимъ и мы, привыкшіе каждое утро пить чай, теперь чувствовали жажду и хотѣли ѣсть. Въ горлѣ у меня пересохло, и я боялась спросить объ этомъ у брата и сестры. Они тоже еле тащили ноги. Въ первые полтора часа мы прошли не болѣе пяти верстъ, далѣе уже не могли—и дорога стала казаться намъ безконечной. Рѣка была уже далеко.

— Знаете, что? предложилъ

вдругъ Боря.—Давайте снимемъ сапоги и пойдемъ босикомъ! Такъ ходятъ мужики!

— Давайте!

Мы присѣли къ краю дороги, сняли башмаки и пошли далѣе уже босикомъ. Но отъ этого не улучшилось наше положеніе. Наши ноги, не привыкшія ступать по кочкамъ и по мелкимъ камешкамъ, скоро окончательнo отказались намъ служить и я не могла уже далѣе идти.

— Нѣтъ, не могу!.. сказала я и опустилаcь на землю.—У меня не хватаетъ больше силъ!

Нина и Боря присѣли рядомъ со мной и мы всѣ трое стали горько плакать.

— Мы не вернемся никогда! сказалъ вдругъ Боря.—Мы такъ и умремъ здѣсь на дорогѣ!

— Что ты говоришь? испугалась я.—Какой же ты мужчина?

— Я больше не могу, я усталъ, У меня болятъ ноги и хочется пить. Теперь папа и мама не увидятъ насъ больше уже никогда!

Я еще больше испугалась.

— Не говори такъ! сказала я.— Успокойся, не плачь! Мы отдохнемъ еще немного и пойдемъ. Зачѣмъ ты говоришь такія страшныя вещи?

Мы посидѣли съ десять минутъ, опять надѣли башмаки и снова отправились въ путь. Теперь ужъ и для меня было ясно, что мы не дойдемъ. Намъ хотѣлось пить,

солнце жгло немилосердно, силы наши были уже израсходованы, а впереди насъ ожидали еще двадцать верстъ, которыя намъ нужно было пройти во что бы то ни стало, чтобы успокоить своихъ родителей и успокоиться наконецъ и самимъ.

— Мнѣ хочется пить!.. застоналъ вдругъ Боря.

— А мнѣ хочется и пить, и ѣсть... какимъ-то хриплымъ голосомъ отвѣтила ему Нина.

Этотъ ея голосъ испугалъ меня, но я промолчала, и мы поплелись далѣе.

Боже мой, что это было за тяжкое путешествіе! Мы были далеко отъ родного гнѣзда, были заброшены отъ него такъ далеко и вотъ уже цѣлые полтора часа, какъ мы не встрѣтили ни души и какъ насъ не обогналъ никто. И если бы мы свалились сейчасъ и остались-бы лежать посреди дороги, то насъ не хватилась-бы никто и никто не даль-бы намъ пить. Это меня ужасало.

— Подождите немного, подбодрила я брата и сестру.—Пройдемъ еще съ версту и опять отдохнемъ!

— Нѣтъ, давайте посидимъ!.. взмолилась Нина.—И слезы засвѣтились у нея на глазахъ.—Я больше не могу!

Мы присѣли у кустика, но чѣмъ это могло намъ помочь? Солнце палило еще больше, съ каждой минутой все болѣе и болѣе хотѣ-

Хозяюшка.

На ысакъ.

лось пить и чѣмъ дольше мы сидѣли-бы здѣсь у кустика, тѣмъ далѣе были-бы отъ цѣли. Эти частые отдыхи меня пугали.

И вдругъ глаза у Бори радостно засвѣтились, онъ вскочилъ и указалъ намъ рукою на горизонтъ.

— Смотрите, смотрите! воскликнулъ онъ. — Вонъ тамъ, далеко! У деревьевъ!

— Что? Что? тоже вскочили мы съ сестрой.

— Тамъ избушка! Я вижу избушку! Тамъ намъ дадутъ попить и поѣсть!

Дѣйствительно, на фонѣ синѣвашаго на горизонтѣ лѣса мы увидали бѣленькую избушку. Она манила насъ къ себѣ и намъ казалось, что Богъ чудомъ послалъ намъ ее за наши страданія и я теперь была увѣрена, что мы спасены и будемъ благополучно доставлены домой.

— Скорѣй! Скорѣй! закричала я и, собравъ послѣдній остатокъ силъ, побѣжала по направленію къ избушкѣ.

Близкая возможность отдохнуть придала силъ и Нинѣ и Борѣ и они уже побѣжали вслѣдъ за мною. Но скоро всѣ мы трое схватились руками за сердце и остановились. Больше мы не могли идти.

Я не помню, какъ мы потомъ добрались до избушки и какъ постучались въ ея окно и попросили пить.

Доброе лицо старушки высунулось изъ него и спросило:

— Кто тамъ?

— Мы хотимъ пить... чуть слышно отвѣтили мы.

Старушка высунулась изъ окна еще больше и заглянула на насъ внизъ.

— Чего? спросила она. — Вамъ, дѣтки, чего? Я не слышу!.. Говорите громче!

Мы подняли глаза и вдругъ острая, необыкновенно сказочная радость наполнила наши сердца. Мы даже подумали, что это сонъ.

— Няня! воскликнули мы. — Нянечка! Няня!! Милая, дорогая, хорошая няня!

Она тоже была поражена, какъ громомъ. Она узнала насъ и слезы вдругъ брызнули у нея изъ глазъ.

— Дѣтки!.. залепетала она. — Милыя мои!.. Драгоценныя!.. Да какъ же вы сюда пришли? Какъ вы отыскивали меня?

И думая, что мы пришли сюда именно для того, чтобы повидаться съ ней, она пришла въ умиленіе и въ первую минуту не знала, что дѣлать. Она замерла отъ наплыва чувствъ, потомъ всплеснула руками и стала стонать:

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! заговорила она. — Да какъ-же это могло такъ случиться, что вы меня отыскивали и пришли. Какой для меня счастливый день! Ахъ, да что-же это я, какъ дура, прилипла

здѣсь и не выйду къ вамъ навстрѣчу? Ниночка! Боренька, голубчикъ мой! Красавица моя Настенька! Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Она засуетилась, потомъ выбѣжала къ намъ, взяла насъ за руки и ввела въ избушку. Пахло печенымъ хлѣбомъ и прѣлой капустой и такъ намъ захотѣлось поѣсть! Мы все еще находились подъ впечатлѣніемъ неожиданной встрѣчи съ няней, толклись на одномъ мѣстѣ и не сводили съ нея глазъ.

— Няечка!.. Няня!.. лепетали мы.

Но она сама спохватилась и поняла, что нужно было дѣлать. Она отворила дверь въ сосѣдную комнату и крикнула:

— Ваня! Евтуша! принесите скорѣе хлѣба и молока!

Выбѣжали ея внуки—два мальчика, затѣмъ появилась ихъ мать и наконецъ въ избушку вошелъ со двора двоюродный братъ няни. Всѣ они обступили насъ и большими глазами глядѣли, какъ мы жадно пили молоко и ѣли хлѣбъ. А няня все никакъ не могла наглядѣться на насъ, суетилась и вздыхала.

— Ну, что это за ангелочки! восхищалась она нами.—Соскучились по нянѣ и пришли такъ далеко! Ну, кто-бъ могъ ожидать!

И она cadaго изъ насъ горячо по очереди цѣловала.

Съ какимъ волчьимъ аппетитомъ мы поѣли и попили! Какъ

намъ показалось у няни уютно и хорошо и какъ не хотѣлось отъ нея уходить! Когда мы отдохнули немного, и прошелъ первый порывъ радости, то няня повела насъ въ огородъ, показала намъ цыплятокъ и угостила медомъ прямо изъ улья. А потомъ, когда время не могло уже больше ждать, она возвратилась съ нами въ избушку и быстро-быстро стала укладывать свои вещи.

— Ну, дѣти, какъ вы тамъ хотите, сказала она,—а я васъ однихъ не отпускаю! И я поѣду вмѣстѣ съ вами! Я безъ васъ жить не могу! Гоните меня, прогоняйте меня вонъ, а я останусь у васъ и умру около васъ! Я иначе не могу!

Мы отъ радости запрыгали и захлопали въ ладоши.

Полчаса спустя, мы уже сидѣли въ телегѣ и ѣхали домой. Лошадью правилъ нянинъ двоюродный братъ, а сама няня сидѣла на своемъ узлѣ, обхвативъ насъ руками, и не могла на насъ наглядѣться. Мы тоже были счастливы безгранично.

Черезъ два часа мы были уже дома. Нужно-ли описывать, съ какимъ восторгомъ встрѣтили своихъ бѣглецовъ наши папа и мама? Въ радости свиданія было забыто все: и перенесенныя тревоги, и наша безпечность, и всѣ тѣ муки, которыми сопровождалась поиски и въ колодцѣ, и на днѣ рѣки, и въ прудѣ. Я помню, что мы плакали всѣ. И никому не казалось стран-

нымъ, что вмѣстѣ съ нами возвратилась въ усадьбу и няня и что она съ первой-же минуты принялась за хозяйство и за уходъ за нами, точно ей никогда и не отказывали отъ мѣста.

А вечеромъ я слышала такой разговоръ, донесшійся до меня изъ спальной папы и мамы:—

— Я не зналъ, что дѣтямъ будетъ такъ тяжело разстаться съ няней! говорилъ папа.—Иначе-бы я не отказывалъ ей отъ мѣста.

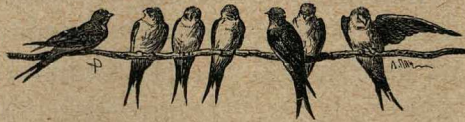
— Да, отвѣтила мама.—Я тоже рада, что они ее привезли обратно.

Такъ съ нею опять стало свободно! Свой человекъ много значитъ! Но какіе герои наши дѣти! Кто-бы могъ подумать, что они сбѣгаютъ за ней такъ далеко и привезутъ ее назадъ! Какъ только они могли такъ далеко дойти!

Я услышала эти ея слова и сердце у меня забилося отъ радости. Значитъ, няня теперь останется у насъ навсегда!

И я побѣжала въ дѣтскую и сообщила обо всемъ брату и сестрѣ.

Мимоза.

А П Р Ъ Л Ъ.

Ужъ стаялъ снѣгъ... Сухой тропинкой
Дѣвчурка сбѣгала въ лѣсокъ
И тамъ, подъ старою осинкой,
Нашла корявенькій сморчокъ.

Какая радость! Значитъ, скоро
Теперь береза зацвѣтетъ
И въ огородѣ, у забора,
Крапива буйно въ ростъ пойдетъ.

И ярче солнышко засвѣтитъ,
Сбѣгутъ послѣдніе ручьи,
Кукушка крикнетъ, грачъ отвѣтитъ,
Закодошатся муравьи...

И, подвязавъ себя косынкой,
Лишь только солнышко взойдетъ,
Съ огромной дѣвочка корзинкой
Съ постели прямо въ лѣсъ пойдетъ.

И тамъ, обшаривъ всѣ пенѣчки,
Она промокнетъ отъ росы.
И въ эти ранніе часы,
Какъ макъ, зардѣютъ ея щечки...

Приди-жъ, весна, приди скорѣй,
Для дѣтокъ нашихъ ты воскресни
И пусть прекрасный соловей
Въ тиши поетъ имъ свои пѣсни!

Кузнечикъ.

СЕРЕБРЯНЫЙ КУБОКЪ.

(Разсказъ моей прабабушки *).

(Съ англійскаго).

Хуторъ, въ которомъ мы жили, былъ купленъ моимъ дѣдушкой у богатаго англійскаго помѣщика Вильяма Ольдкорта. Этотъ Вильямъ Ольдкортъ жилъ верстахъ въ двухъ отъ насъ, въ своей роскошной усадьбѣ Прери, въ которой все было необыкновенно изысканно, и въ паркѣ которой росли рѣдкія деревья и били прекрасные, марморные фонтаны.

Вильямъ Ольдкортъ очень кичился своимъ знатнымъ происхожденіемъ, не сходилъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей и принималъ у себя только графовъ и князей, которые ненадолго пріѣзжали къ нему изъ столицы. Онъ былъ вдовъ и имѣлъ двухъ дѣтей: сына—Джемса, который унаслѣдовалъ послѣ него усадьбу Прери и съ которымъ я была потомъ знакома, и дочь Люси—очаровательную дѣвушку лѣтъ семнадцати. Я видѣла въ послѣдствіи ея портретъ и должна сказать, что это была дѣйствительно настоящая красавица. Отецъ прочилъ выдать ее замужъ за богатаго англійскаго графа, который ей очень не нравился, но она долго не соглашалась, и кончилось дѣломъ, что, встрѣтившись однажды при дворѣ на балу съ какимъ-то знатнымъ французомъ Бугенвилемъ, она, тайно отъ отца, обвѣнчалась съ нимъ и уѣхала съ нимъ въ Парижъ. Отецъ проклялъ ее и запретилъ ей и всему ея потомству являться на глаза ему и всему его

потомству. Отъ этого брака Люси съ маркизомъ Бугенвилемъ родилась дочь Эмѣ, съ которою я вмѣстѣ росла и была очень дружна.

Отсюда-то и начинается мой разсказъ.

Вскорѣ послѣ бѣгства своей дочери, старый Вильямъ Ольдкортъ умеръ, оставивъ все свои богатства, какъ я уже упомянула своему сыну Джемсу. Этотъ Джемсъ, уже тогда бывший взрослымъ господиномъ, женился на дѣвушкѣ вдвое моложе себя, у которой черезъ два года послѣ свадьбы отнялись ноги, — и такъ они и жили вдвоемъ, не принимая никого у себя и не имѣя дѣтей, цѣлые годы въ усадьбѣ Прери. Джемсъ тоже дулся на свою сестру Люси и старался никогда о ней не вспоминать.

По пріѣздѣ въ Парижъ, маркизь Бугенвиль поступилъ на службу къ французскому королю, но, спустя нѣсколько лѣтъ, чѣмъ-то навлекъ на себя такой гнѣвъ короля, что долженъ былъ переимѣнить фамилію и бѣжать. Иначе ему угрожала-бы вѣчная тюрьма. Тогда его жена Люси уже умерла, и маркизь долженъ былъ бѣжать вмѣстѣ со своей грудной дочерью Эмѣ, бросивъ все на произволъ судьбы. Но его вѣрный слуга Жакъ собралъ все его деньги, распродалъ безъ него всю его мебель и серебро и вырученную отъ этого громадную сумму внесъ въ банкъ. Но такъ какъ король приказалъ отобрать

*) Удостоенъ въ Англии преміи въ 300 фунтовъ стерлинговъ.

въ казну все имущество несчастнаго маркиза, а слуга Жакъ не зналъ, подъ какой фамиліей скрывается его господинъ, то онъ, поступилъ такъ: чтобы маркизъ Бугенвилъ или его дочь Эмè могли получить впослѣдствіи назадъ свои деньги, онъ внесъ ихъ въ банкъ съ условіемъ, что ихъ можетъ получить обратно только тотъ, кто представитъ впослѣдствіи въ банкъ серебряный кубокъ съ надписью „Исполняй свой долгъ“. Этотъ кубокъ былъ единственнымъ въ роду Бугенвилей, другого такого-же во всемъ свѣтѣ не было, и онъ отличался своей древностью и особаго свойства работой.

Жакъ догналъ своего господина гдѣ-то уже за границей, передалъ ему этотъ кубокъ, и что было уже дальше, — я не знаю. Все-же то, что я только что рассказала, я узнала впослѣдствіи.

Нашъ домъ на хуторѣ былъ небольшой, старый, весь обросшій снаружи плющомъ, и со множествомъ ласточкиныхъ гнѣздъ подъ крышей. Въ немъ были старомодныя, мелко-стекольчатыя окна, наша мама была очень недовольна ими и вообще всѣмъ хозяйствомъ, но намъ, дѣтямъ, все въ этомъ домѣ было прекрасно такъ какъ мы въ немъ родились: и окна, и двери, и вычурныя перила на лѣстницѣ и высокій-высокій чердакъ. Въ ясную погоду мы всѣ играли въ саду, въ которомъ росли великолѣпныя груши и сливы, а когда шелъ дождь, то мы, дѣвочки, усаживались въ уголокъ и принимались за шитье, а наши братья начинали рѣзать, строгать и сорить — и было такъ уютно и весело!

Въ полуверстѣ отъ нашего до-

мика находились большія развалины какого-то монастыря. Когда-то, много вѣковъ тому назадъ, здѣсь была церковь, и въ ней пѣли монахи, а теперь стояли однѣ только голыя, поросшія дикимъ плющомъ стѣны, въ щеляхъ которыхъ гнѣздились птицы, да по ночамъ, осенью, кричали совы. Мы очень любили лазать по этимъ развалинамъ и для насъ не было лучшаго удовольствія, какъ играть въ нихъ въ прятки, или - же влѣзать на самую ихъ вышку и глядѣть оттуда внизъ. Эти развалины находились на нашей землѣ и мы считали ихъ своими.

Мой отецъ никогда не готовилъ себя къ сельскому хозяйству. Когда нашъ дѣдушка купилъ у Вильяма Ольдкорта этотъ хуторъ, то у него было кромѣ моего отца еще двое сыновей, но они неожиданно умерли отъ холеры, и папѣ поневолѣ пришлось послѣ смерти моего дѣдушки принять все на себя. Онъ готовилъ себя въ профессора, былъ очень ученъ и старался развить любовь къ наукамъ и въ насъ. Тогда еще не было около насъ гимназій и пансіоновъ и онъ училъ насъ самъ, и я должна сказать, что несмотря на наши плохія средства, мы были гораздо образованнѣе, чѣмъ наши сверстники-богачи.

Папа воспитывалъ насъ въ томъ направленіи, чтобы мы могли впослѣдствіи зарабатывать свой собственный кусокъ хлѣба и довольствоваться немногимъ, — и потому все наше дѣтство протекло въ трудѣ и постоянной дѣятельности. Мы и сѣяли, и пахали, и сажали, и учили иностранные языки и математику, и не было въ домѣ такой

работы, въ которой кто-нибудь изъ насъ не могъ - бы оказаться полезнымъ.

— Не тотъ богатъ, кто много имѣеть, обыкновенно говорилъ намъ отецъ, — а тотъ, кто можетъ самъ все дѣлать и удовлетворяется немногимъ.

И мы не чувствовали нашей сравнительной бѣдности уже потому, что были нетребовательны и все дѣлали сами.

Семья наша была довольно велика: насъ было у родителей шесть человѣкъ дѣтей, да еще седьмой — безродный племянникъ моего отца — Джимъ. При такомъ большомъ количествѣ самыхъ разнообразныхъ вкусовъ, конечно, не обходилось въ семьѣ и безъ ссоръ и потасовокъ, но папа всегда стоялъ на стражѣ семейнаго счастья и мира въ нашей семьѣ и во-время наводилъ порядокъ.

— Молчите! кричалъ онъ на насъ. — Молчаніе есть дерево, которое приноситъ плоды, называемые миромъ!

Мы сразу умолкали и каждый тотчасъ-же принимался за свое дѣло. Одинъ только Джимъ никогда не унимался сразу. Онъ вѣчно спорилъ, ворчалъ и въ немъ было что-то непримиримое, съ чѣмъ онъ не могъ справиться и самъ. Иногда онъ выводилъ насъ изъ терпѣнія, и мой старшій братъ Вольфъ вскакивалъ съ мѣста и хваталъ его за шиворотъ.

— Если ты будешь обижать дѣвочекъ, кричалъ онъ на него, — то я сейчасъ-же тебя выпшвырну вонъ!

Но за Джима тотчасъ-же вступалась наша мама.

— Не кричи на него такъ, Вольфъ,

говорила она. — Онъ сирота и за него некому заступиться. Онъ больше не будетъ.

Мама работала съ утра и до вечера, не покладая рукъ. Она заботилась о всѣхъ насъ, сама обшивала всю семью, сама иной разъ даже доила коровъ, но больше всего она старалась сдѣлать приятное нашему отцу. Когда онъ читалъ книгу или чѣмъ-нибудь занимался у себя въ кабинетѣ, то она приказывала всѣмъ намъ ходить на цыпочкахъ, а когда онъ послѣ обѣда спалъ, то она выгоняла насъ на дворъ, чтобы мы не шумѣли и не разбудили его. Она слѣдила за тѣмъ, какъ онъ ѣлъ, и старалась положить ему лучшій кусочекъ. И все-таки, несмотря на всѣ ея заботы объ отцѣ, Джимъ топалъ ногами, громко пѣлъ и старался за обѣдомъ раньше всѣхъ положить себѣ на тарелку самый видный, лучшій кусокъ.

Само собою разумѣется, что при такихъ родителяхъ, которые такъ беззаѣтно посвятили себя намъ и такъ любили другъ друга, въ нашемъ домѣ царило семейное счастье. Это счастье отражалось и на насъ, мы, дѣти тоже старались быть какъ можно дружиѣ между собою и, подъ вліяніемъ семейной обстановки, повидимому, слагались въ лучшую сторону и наши характеры. Сосѣди называли насъ „примѣрными дѣтьми“.

Мы часто проходили мимо усадьбы Ольдкорта Прери. Съ какимъ любопытствомъ мы заглядывали сквозь рѣшетку въ ея удивительный паркъ, въ которомъ были расчищены щегольскія дорожки и такъ привѣтливо били причудливые фонтаны! Съ какимъ почти-

Позабыли.

Неожиданное происшествіе.

тельнымъ благоговѣніемъ мы глядѣли на окна стариннаго барскаго дома, черезъ которыя просвѣчивали освѣщенные солнцемъ золотыя рамы на картинахъ и богатыя, хрустальныя люстры!

Но мы знали свое мѣсто; мы знали, что въ этомъ домѣ жили богатые знатные помѣщики и что мы были дѣтьми только простого англійскаго фермера, всѣмъ богатствомъ котораго было умѣнье работать, не покладая рукъ, и удовлетворяться тѣмъ, что есть.

И мы скромно, какъ подобало „примѣрнымъ дѣтямъ“, уходили къ себѣ домой.

Старшій братъ Вольфъ воспитывался въ томъ духѣ, что онъ будетъ впослѣдствіи такимъ-же сельскимъ хозяиномъ, какими были его дѣдъ и отецъ. Но я не думаю, чтобы его это привлекало. Онъ былъ такимъ-же охотникомъ читать книги, какъ и нашъ папа, былъ такъ-же разсудителенъ и незлобивъ, какъ и онъ, и казалось, что онъ былъ созданъ скорѣе для неба, чѣмъ для земли. За то нашъ миленькій кузень Джимъ сразу-же заявилъ, что онъ будетъ и ученымъ, и сельскимъ хозяиномъ, и кѣмъ-то еще. Это было безпокойнѣйшее существо, не дававшее жить ни себѣ, ни другимъ,—и я думаю, что онъ и самъ тяготился своимъ характеромъ и не любилъ себя. Его вѣчно куда-то тянуло, онъ не могъ посидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ и пяти минутъ и находилъ удовольствіе помучить и себя и другихъ. Онъ никогда не бывалъ въ Лондонѣ, но уже въ дѣтствѣ сталъ мечтать объ этой столицѣ и о томъ, какъ онъ

вырвется наконецъ изъ дому и туда поѣдетъ.

— Охъ, не сдобровать тебѣ, Джимъ! говорила со вздохомъ наша старая нянька Бетти. — Не умереть тебѣ своей смертью.

Но нашъ папа смотрѣлъ на это дѣло проще и всѣ мечтанія Джима считалъ просто болтовней.

— Онъ очень нервенъ, говорилъ онъ про Джима.—Съ годами его нервы поправятся. Когда онъ вырастетъ большой, то все это пройдетъ само собою.

Въ праздники и въ часы, когда Вольфъ и Джимъ бывали свободны отъ хозяйственныхъ дѣлъ, мы обязательно всей гурьбой ходили на развалины. Мы любили ихъ, не могли безъ нихъ жить и лучшаго мѣста для нашихъ игръ нельзя было придумать. Идѣйствительно, это было прелестное, поэтическое мѣстечко. Въ маѣ все кругомъ этихъ развалинъ и даже въ самыхъ развалинахъ покрывалось массой всевозможныхъ цвѣтовъ, кругомъ въ кустахъ распѣвали соловьи, а осенью созрѣвали теренъ и дикія груши, такъ что всегда намъ, дѣтямъ, было чѣмъ поживиться. Мальчики обыкновенно вскарабкивались на самый верхъ и кричали намъ оттуда, а мы, дѣвочки, волновались, какъ-бы они оттуда не свалились, и умоляли ихъ сойти внизъ. Но это ихъ еще больше подбодряло.

— Сойдите! Сойдите сейчасъ-же! больше всѣхъ кричала имъ я и кончилось дѣло тѣмъ, что я рѣшила наконецъ вовсе не смотрѣть на нихъ для собственнаго спокойствія.

Въ развалинахъ еще уцѣлѣли маленькія комнатки и уголки и

мы съ сестрами, когда расходились безъ удержа наши братцы, уединялись въ нихъ и сидѣли въ нихъ до тѣхъ поръ, пока Джимъ не спускался внизъ и не выгонялъ насъ изъ нихъ.

— Что вы тутъ усѣлись, дуры? кричалъ онъ.—Идите сейчасъ-же отсюда играть!

Однажды, когда братья лазали по стѣнамъ и что-то въ нихъ собирали, я уединилась въ одной изъ комнатокъ развалинъ и вдругъ увидела на карнизѣ, между двухъ камней, маленькое гнѣздышко. Я всегда любила птичекъ и этотъ зябликъ, который сидѣлъ теперь на гнѣздѣ, казался мнѣ вдвое милѣе потому, что нисколько не боялся меня и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Ясно было, что онъ никогда еще не испытывалъ на себѣ злой воли людей и потому довѣрчиво относился ко всѣмъ и въ томъ числѣ и ко мнѣ.

— Не бойся, не бойся! сказала я.—Я тебя не трону!

И я усѣлась около него и просидѣла, должно быть, часа съ два. Братья кликали меня, но такъ и не дозволились, и ушли домой одни.

Съ тѣхъ поръ я стала каждый день брать съ собой работу и уединяться въ свой уголокъ, въ общество зяблика; работала я тамъ цѣлые часы. Это мнѣ ужасно нравилось. Было что-то необыкновенно красивое для меня въ этомъ молчаніи стѣнъ, поросшихъ мхомъ, въ этихъ камняхъ, которыми было уже по нѣскольку сотъ лѣтъ, и въ этомъ терпѣливомъ высиживаніи птичкой своихъ яицъ. Надъ обѣими нами вовсе не было крыши, блистало

прозрачное голубое небо и ничто не нарушало нашего покоя; я ждала, когда въ гнѣздышкѣ появятся новыя жизни, и ревниво берегла тайну своего открытія. О моей комнаткѣ среди развалинъ и о гнѣздышкѣ зяблика я не говорила никому. Никто не зналъ, куда я уходила, гдѣ была и что дѣлала, и на всѣ разпросы отдаѣливалась молчаніемъ или говорила какую-нибудь шутку или небезлицу.

Но увы! скоро я узнала, что всѣ мои предосторожности были излишни. Однажды, когда всѣ мы сидѣли за чаемъ, въ столовую вошелъ Джимъ и съ плутовато-таинственнымъ видомъ показалъ намъ сжатый кулакъ.

— А угадайте-ка, сказалъ онъ, что у меня въ рукѣ!

Сестры тотчасъ-же вскочили изъ-за стола и окружили Джима.

— Что это? Что? съ любопытствомъ спросили онѣ.—Покажи намъ! Разожми кулакъ!

— Я показаль-бы, отвѣтилъ онъ,—да боюсь, что это обидитъ нашу Недотрогу.

Недотрогой онъ называлъ меня, хотя мое святое имя было Софія.

Я тоже вскочила.

— Оставь, пожалуйста, меня въ покоѣ! сказала я.—Мнѣ рѣшительно все равно, что тамъ у тебя въ кулакѣ!

— Ну, это посмотримъ! воскликнулъ онъ и разжалъ кулакъ.

Въ немъ оказались яички моего друга зяблика. Я узнала ихъ и по тону и выраженію лица Джима поняла, что онъ взялъ ихъ именно изъ моего гнѣзда.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? крикнула я и залилась слезами.

Пойди и положи ихъ сейчасъ же обратно!

— Такъ я это и сдѣлалъ! огрызнулся онъ.—Какія нѣжности, подумаешь!..

Самое дорогое для меня было разрушено руками Джима. Я громко и визгливо зарыдала.

— Въ чемъ дѣло? отозвалась изъ сосѣдней комнаты мама.— Чего Соня такъ горько плачетъ?

— Мама, мама! закричала я.— Мой бѣдненькій зябликъ! Онъ ограбилъ его и не хочетъ положить яичко обратно.

Вошелъ папа и сталъ насъ мирить. Онъ взялъ мою сторону и предложилъ Джиму тотчасъ-же отнести яички обратно и положить ихъ въ гнѣздо. Но тотъ отказался наотрѣзъ.

— Я взялъ ихъ для своей коллекціи птичьихъ яицъ! возразилъ онъ.— Тамъ, подъ зяблицей, осталось еще три яйца. Будетъ съ нея! Довольно! А этой дурѣ заприте ревѣть по пустякамъ! Много шума изъ-за ничего. Я взялъ ихъ ради науки.

Отецъ подошелъ къ нему и мягко сказалъ:

— Миръ великъ, а наука—еще больше. Я давно уже живу на свѣтѣ и многое знаю, но я еще никогда не слышалъ, чтобы наукою считалось то, что какой-то головорѣзъ изъ озорства разоряетъ птичьи гнѣзда! Кто изучаетъ природу, тотъ не разоряетъ ея!

Джимъ ничего не отвѣтилъ и съ гнѣвомъ посмотрѣлъ на меня.

— Папа! прошептала я.— Скажи ему, чтобы онъ отнесъ яички обратно!

Папа ничего мнѣ не отвѣтилъ, махнулъ рукой и чтобы не про-

должать ссоры, вышелъ изъ столовой. Джимъ высунулъ мнѣ языкъ, показалъ мнѣ носъ и тоже вышелъ изъ комнаты.

— Джимъ, ты гадкій мальчишка! крикнулъ ему вслѣдъ Вольфъ.— Я не буду съ тобой больше разговаривать!

Я съ благодарностью посмотрѣла на старшаго брата, и мы снова усѣлись за столъ и стали оканчивать нашъ чай. А когда чай былъ отпить и я помыла и убрала посуду, то я вышла на крыльцо, сѣла на ступеньку и стала думать о зябликѣ. Теперь гнѣздышко находилось въ опасности. Его нужно было спасти отъ Джима и я не знала, какъ это сдѣлать.

Въ девять часовъ вечера мы всѣ уже улеглись спать. Мы рано ложились и рано вставали. Я спала въ одной комнаткѣ съ сестрой Нелли и въ этотъ вечеръ, все еще думая о гнѣздышкѣ, вскочила съ кровати и подошла къ окну.

— Чего ты вскочила? обратилась ко мнѣ изъ-подъ одѣяла сестра.— Мечтаешь, какъ большая, на луну? Или, можетъ быть, замѣтила воровъ?

Я не отвѣтила ей и, все еще стоя у окна и глядя на луну, стала ожидать, когда уснетъ сестра. У меня въ головѣ сложился планъ.

Мнѣ недолго пришлось ожидать, такъ какъ Нелли была въ такомъ возрастѣ, когда стоитъ только положить голову на подушку—и сразу заснешь. Убѣдившись, что она спитъ, я одѣлась, отворила дверь и тихонько вышла на дворъ. Всѣ въ домѣ спали, во всемъ хуторѣ было тихо и свѣтила полная луна. Я прошла на цыпочкахъ черезъ садъ, вышла въ калитку и,

какъ тѣнь, пробѣжала черезъ поля, отдѣлявшія хуторъ отъ развалинъ. Въ воздухѣ было свѣжо и ароматно, кричали лягушки и отъ луны было такъ свѣтло, точно днемъ. Я услышала, какъ далеко, на церкви пробило десять часовъ. Почему-то мнѣ сдѣлалось жутко: я еще ни разу въ жизни не бывала около развалинъ такъ поздно и не видала ихъ вблизи при лунномъ освѣщеніи, когда одна сторона ихъ была освѣщена, а по другую зіяли темныя, непроглядныя углубленія. Я остановилась было на минуту, но медлить было нельзя, потому что меня могли хватиться дома, и, набравшись храбрости, отправилась къ своему гнѣздышку.

Мой зябликъ спалъ, подсунувъ голову подъ крыло.

— Не бойся, не бойся! обратилась я къ нему.—Тебя здѣсь нашли и обидѣли! Чтобы этого больше не повторилось, я перенесу твое гнѣздышко въ другое мѣсто!

И я протянула къ нему руку. Зябликъ проснулся и, крикнувъ, вылетѣлъ изъ гнѣзда.

— Ничего, ничего, сказала я.— Я сейчасъ!

Я стала вынимать изъ расщелины гнѣздышко и вдругъ подъ нимъ что-то блеснуло. Гнѣздышко было уже у меня въ рукѣ, но подъ нимъ оказалось, что-то круглое, гладкое и блестящее. Позабывъ о зябликѣ и объ яичкахъ, я поднялась на одинъ камень выше и тутъ только убѣдилась, что гнѣздышко было свито птичкой въ металлическомъ стаканѣ, вдвинутомъ въ большую щель между двухъ камней. Я тотчасъ

же прыгнула внизъ, перенесла гнѣздышко въ другое мѣсто и, выждавъ, когда птичка успокоилась и опять сѣла на свои яички, я снова возвратилась къ своей находкѣ. Она очень меня заинтересовала. Я вцѣпилась пальцами въ края этого блестящаго предмета и стала его тянуть. Но онъ не подавался. Онъ прочно засѣлъ въ расщелину и, повидимому, былъ вдавленъ въ мелкую известку и отъ времени обросъ кругомъ травой и мхомъ,

— Но вѣдь этотъ предметъ не выросъ-же тутъ! рѣшила я.—Значить, его можно отсюда вынуть, стоитъ только постараться!

Я ухватила пальцами еще крѣпче и стала его раскачивать. Медленно, но замѣтно, онъ сталъ подаваться. Его что-то задерживало. Но когда я напрягла послѣднія силы и наконецъ вытащила его, то этимъ „что-то“ оказались двѣ ручки, находившіяся у него по бокамъ. Я вытерла предметъ фартукомъ и оглядѣла его при свѣтѣ луны. Это былъ старинный кубокъ, весь почернѣвшій отъ времени, но еще сохранившій на себѣ какія-то письмена, которыхъ я не могла разобрать. Внѣ себя отъ радости и позабывъ о гнѣздѣ, я со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать со своей находкой домой. Во всемъ хуторѣ всѣ по-прежнему спали. Собаки замѣтили меня, бросились ко мнѣ, но узнавъ меня, не стали лаять и завилыли хвостами. Я потихоньку поднялась на крыльцо, еще тише отворила дверь и вошла къ себѣ въ комнату. Нелли все еще крѣпко спала. Я быстро раздѣлась, сунула свою находку къ себѣ подъ

подушку, легла и тотчасъ же заснула.

То, что я испытала тогда и пережила, утомило меня и я еле добралась до постели.

Утромъ, когда мы всѣ пили чай, я подошла къ папѣ и сообщила ему на ухо, но такъ, что не слышалъ никто, что ходила вчера ночью на развалины и кое-что нашла. Онъ взялъ меня за руку и повелъ меня къ себѣ въ кабинетъ.

— А ну-ка, расскажи подробнѣе! сказалъ онъ.

Я сбѣгала за своей находкой, протянула ее къ нему и стала рассказывать. Онъ заинтересовался, какъ мальчикъ. Съ неопи-суемымъ любопытствомъ онъ вертѣлъ передъ глазами кубокъ и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ.

— Да, это очень удивительно! восклицалъ онъ.—Этотъ кубокъ изъ чистаго серебра и такой старинный, что ему нѣтъ и цѣны! Интересно-бы знать, кому онъ принадлежалъ?

Я испугалась.

— Что ты, что ты, папа? воскликнула я.—Я его нашла и онъ теперь мой!

Но папа задумчиво покачалъ головою.

— Вѣдь не ты спрятала его туда, сказалъ онъ,—значить, онъ не твой. Ты только его тамъ нашла, — слѣдовательно, должна возвратить его тому, кто его туда положилъ.

На глаза у меня навертывались слезы. Папа подошелъ къ умывальнику и чисто, со щеткой, помылъ кубокъ. Онъ сталъ блестять еще больше, но по краю его, тамъ, гдѣ, повидимому, должна была на-

ходиться какая-то надпись, все еще оставалась твердая грязь.

— Ты здѣсь послѣ поковыряешь чѣмъ-нибудь, обратился ко мнѣ отецъ,— и принесешь мнѣ его опять. Кажется, здѣсь есть какая-то надпись. Я не вижу... Но только осторожно!

И все еще о чемъ-то думая, онъ продолжалъ:

— Этотъ хуторъ вмѣстѣ съ развалинами купилъ мой отецъ у старика Вильяма Ольдкорта. Сле-довательно, кубокъ долженъ былъ принадлежать ему. Мой отецъ покупалъ землю, хуторъ и развалины, но не этотъ кубокъ. Такъ какъ Вильямъ Ольдкортъ умеръ ужъ давно, а ему наследовалъ его сынъ Джемсъ, то, значить, мы должны отнести этотъ кубокъ Джемсу въ Прери. Сдѣлать это—обязываетъ насъ долгъ!

Слезы такъ и струились у меня по щекамъ.

Я вышла изъ кабинета, налила въ чашку горячей воды и стала мыть края у кубка. Меня обступили всѣ, съ любопытствомъ стали спрашивать меня о моей находкѣ, такъ что я едва успѣвала отвѣчать, и никто не вѣрилъ, что я могла выйти ночью изъ дому одна и отправиться на развалины.

— Какой я дуракъ! ругалъ себя при этомъ Джимъ.—Найти гнѣздо и не догадаться, что подъ нимъ была эта вещь! Какой я осель! Тогда-бы этотъ кубокъ былъ моимъ!

Я отмыла грязь окончательно, и всей гурьбой мы ввалились къ отцу въ кабинетъ.

— Вотъ, папа, читай! сказала я и протянула къ нему кубокъ.

Отецъ взялъ лупу, надѣлъ кромѣ того еще и очки и подошелъ къ окну.

— Эта надпись на французскомъ языкѣ! сказалъ онъ и сталъ ее разбирать.— Она сдѣлана древними французскими письменами. И вы знаете, что она содержитъ? Сказать вамъ, что написано на этомъ кубкѣ?

— Скажи, скажи! закричали мы всѣ хоромъ.

Онъ подошелъ къ намъ и торжественно сказалъ:

— Здѣсь написано то, что каждый изъ васъ долженъ считать главнымъ правиломъ своей жизни.

— Что-же именно? спросили мы.

— „Исполни свой долгъ“.

По „The silver flagon“ изъ „Chatterbox“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Летаютъ птички по лѣсамъ,
Ихъ голоса ужъ слышны тамъ;
Кричатъ грачи;
Свои лучи
Шлетъ солнце щедро намъ.

Ужъ убѣжалъ на сѣверъ волкъ,
И травка стала точно шелкъ;
Скворецъ, скворецъ,
Весны пѣвецъ,
Зачѣмъ-же ты умолкъ?

Спой пѣсню радостную мнѣ
О солнцѣ, травкѣ, тепломъ днѣ.
Тепло, тепло,
Все ожило
И радо все веснѣ!

Ирисъ.

ВОЛШЕБНЫЕ БАШМАКИ.

(Восточная сказка).

Жилъ былъ въ Багдадѣ старый торговецъ по имени Абу-Гассанъ. Онъ былъ очень скупъ, во всемъ себѣ отказывалъ и чтобы только

отложить лишнюю золотую или серебряную монету, не доѣдалъ и не допивалъ. Хотя онъ и былъ очень богатъ, но вся его одежда

была въ заплатахъ и еле держалась у него на плечахъ. Его турбанъ былъ такъ занопенъ и старъ, что нельзя было разобрать, какого онъ былъ цвѣта. Онъ вѣчно боялся, какъ-бы кто-нибудь не подумалъ, что онъ богатъ, и какъ-бы не забрались къ нему воры и не ограбили его, и уже давно подыскивалъ себѣ хорошую, злую цѣпную собаку. Онъ давно уже объявилъ, что готовъ заплатить за нее десять піастровъ, и только ожидалъ,

Увлекся.

когда кто-нибудь откликнется на его призывъ и приведетъ ее къ нему.

— Только-бы позлѣе!.. думалъ онъ.—Такую, чтобы громко лаяла и всѣхъ хватала за ноги!..

Самою замѣчательною частью одежды Абу-Гассана были его башмаки. За всѣ десять лѣтъ, пока онъ ихъ носилъ, они столько разъ были въ починкѣ и имѣли на себѣ столько заплатъ и столько въ нихъ было вбито желѣзныхъ гвоздей, что они стали тяжелы, какъ гири, и во всемъ Багдадѣ даже вошли въ поговорку. Если кто-нибудь хотѣлъ опредѣлить въ чемъ-нибудь вѣсъ, то онъ обыкновенно говорилъ:

— Въ этой вещи столько-же пудовъ, сколько и въ башмакахъ Абу-Гассана!

Однажды Абу-Гассанъ проходилъ по базару и вдругъ увидѣлъ, что послѣ какой-то бѣдной вдовы за безцѣнокъ продавали ея хрустальную посуду. Онъ тотчасъ-же сообразилъ, что это для него будетъ выгодно, и купилъ всю посуду, чтобы ее потомъ перепродать. Въ другой разъ онъ закупилъ за какіе-нибудь гроши всѣ духи, оставшіеся во флаконахъ послѣ разорившагося купца. Купивъ и то, и другое, онъ снесъ все это къ себѣ на квартиру и разложилъ на полкѣ. А самъ, довольный, что такъ дешево обдѣлалъ дѣло, отправился по восточному обычаю въ баню.

Когда онъ раздѣвался, то тутъ-же, въ банѣ, рядомъ съ нимъ оказался одинъ изъ его знакомыхъ Бекиръ. Увидѣвъ знаменитые башмаки, онъ сказалъ:—

— Послушай, Абу-Гассанъ, вѣдь про твои безобразные башмаки

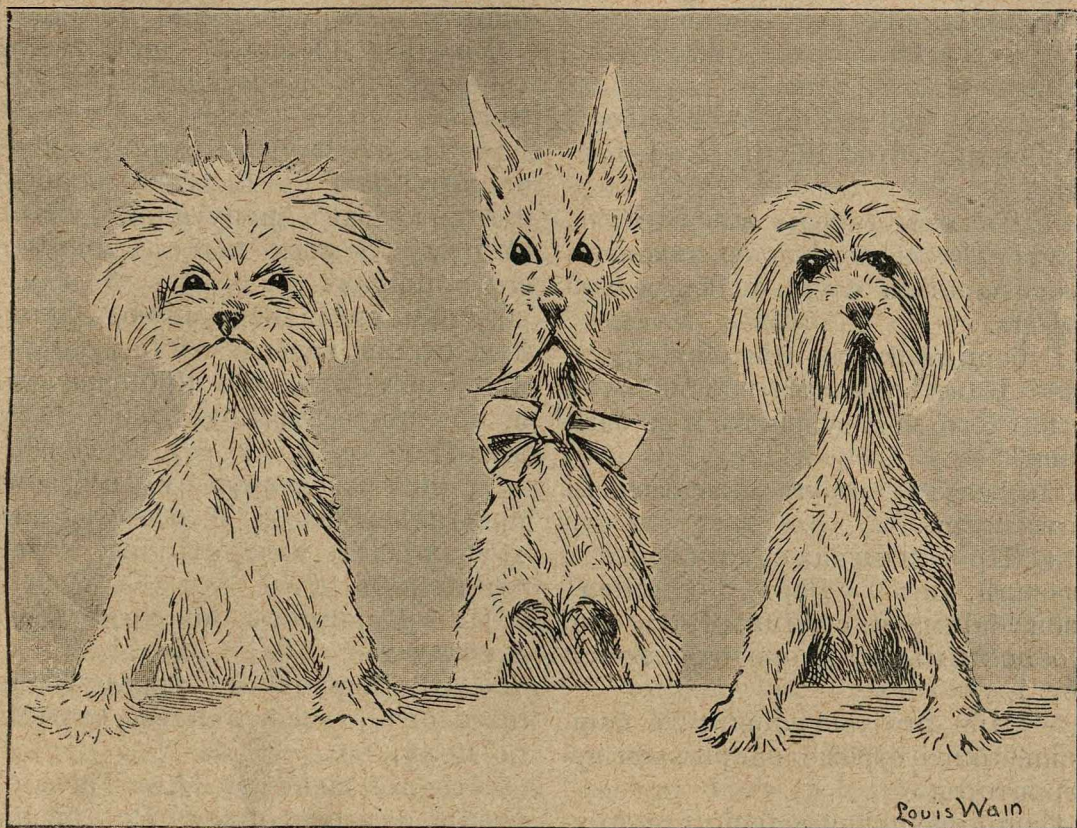
говорить весь Багдадъ! Кончится тѣмъ, что я скажусь надъ тобой и подарю тебѣ новые.

— Что-жь, подари... нисколько не смутившись, отвѣтилъ Абу-Гассанъ. — Только хороши для меня и эти. Они еще крѣпкіе. Еще послужать!

И съ этими словами, онъ от-

незамѣтно его дорогіе, расшитые шелками, башмаки и подложилъ ихъ къ одеждѣ Абу-Гассана, а отвратительные башмаки Абу-Гассана подложилъ къ губернатору. Сдѣлавъ это, онъ скрылся.

Тѣмъ временемъ Абу-Гассанъ вышелъ изъ бани и сталъ одѣваться. Напрасно искалъ онъ свои

Засѣданіе.

правился изъ раздѣвальной въ баню.

Пока онъ тамъ мылся, въ баню пріѣхалъ самъ губернаторъ Багдада. Онъ быстро раздѣлся и, такъ какъ ему было некогда и онъ спѣшилъ, то онъ немедленно-же вошелъ въ баню. Воспользовавшись его отсутствіемъ, Бекиръ взялъ

тяжеловѣсные башмаки. Они, какъ въ воду, канули. Въмѣсто нихъ стояли роскошные башмаки губернатора.

„Это навѣрное подарилъ мнѣ добрый Бекиръ!“ рѣшилъ онъ и внѣ себя отъ радости, что не пришлось тратить денегъ на новые башмаки, онъ одѣлся, на-

дѣлъ губернаторскіе башмаки и вышелъ.

Окончивъ мыться, губернаторъ тоже вышелъ изъ бани къ своей одеждѣ.

— Скорѣй, скорѣй! торопиль онъ своихъ слугъ, которые уходили вмѣстѣ съ нимъ въ баню.—Мнѣ некогда! Одѣвайте меня скорѣе! Надѣвайте на мои ноги туфли!

Напрасно слуги искали его туфли. Онѣ исчезли безслѣдно. Вмѣсто нихъ около губернаторскихъ ногъ стояли пудовые, изношенные башмаки Абу-Гассана.

— Твоихъ туфель здѣсь нѣтъ, о, повелитель! осмѣлился наконецъ робко сказать слуга.—Ихъ кто-то укралъ.

Губернаторъ разгнѣвался.

— Какъ укралъ? воскликнулъ онъ.—Кто могъ украсть мои башмаки?

Но слуга лежалъ уже передъ нимъ ницъ.

— Прости меня, о, повелитель! сказалъ онъ.—Воръ подмѣнилъ твои башмаки своими. Вотъ они! Но по нимъ мы скоро отыщемъ и вора!

— Чьи это такіе дрянные башмаки? еще строже закричалъ губернаторъ.

Слуга еле поднялъ башмакъ Абу-Гассана съ полу.

— Судя по вѣсу и по множеству заплатъ, сказалъ онъ дрожащимъ отъ страха голосомъ,—это башмаки нѣкоего Абу-Гассана... Онъ только сейчасъ мылся здѣсь въ банѣ.

— Немедленно-же догнать! распорядился губернаторъ.

Слуги и привратники тотчасъ-

же бросились вслѣдъ за Абу-Гассаномъ, который, ничего не подозревая, важно шествовалъ въ новыхъ туфляхъ по улицамъ Багдада.

— Лови, лови его! закричали они.—Тащи его скорѣй въ полицію! Это воръ!

Народъ сбѣжался, Абу-Гассана схватили, скрутили ему назадъ руки и повели обратно въ баню.

Увидѣвъ на немъ свои туфли, губернаторъ возмутился и сказалъ:—

— Въ тюрьму этого негодяя! Я не потерплю въ Багдадѣ воровъ!

Абу-Гассанъ испугался, упалъ къ нему въ ноги, и сталъ умолять его о пощадѣ.

— Смилуйся надо мною, великій повелитель! залепеталъ онъ.—Клянусь тебѣ халатомъ пророка, что я не виноватъ! Вотъ какъ было дѣло!

И онъ рассказалъ ему о своемъ пріятелѣ Бекирѣ и о томъ, какъ тотъ хотѣлъ подарить ему новые башмаки.

Но губернаторъ не хотѣлъ его и слушать.

— Въ тюрьму! Въ тюрьму! кричалъ онъ, топая голыми пятками по полу.

Кто-то шепнулъ Абу-Гассану, чтобы онъ откупился. Всѣ знали, что Абу-Гассанъ былъ такъ-же богатъ, какъ и скупъ, и потому губернаторъ запросилъ съ него громадную сумму денегъ. Какъ ни умолялъ его Абу-Гассанъ, но онъ не согласился ее убавить, и старому скрягѣ, чтобы избѣжать тюрьмы, пришлось раскошелиться и платить. Шутка надъ нимъ его пріятеля обошла ему въ нѣ-

сколько сотъ пиастровъ. За то губернаторъ оставилъ ему свои башмаки.

— Носи на здоровье! сказалъ онъ, теперь уже довольный, что такъ дорого ихъ продалъ.

Въ новыхъ башмакахъ и съ парой отвратительныхъ, тяжелыхъ другихъ башмаковъ въ рукѣ, Абу-Гассанъ уныло побрелъ къ себѣ домой. Слезы такъ и струились у него по щекамъ. Ему было и обидно и досадно, что онъ такъ глупо лишился такой большой суммы денегъ и что легковѣрно далъ провести себя Бекиру.

— Это все вы, вы виноваты! обратился онъ къ старымъ башмакамъ. — Если-бъ не вы, то со мной никогда-бы этого не случилось. Ну, погодите-же! Я вамъ отплачу!

И проходя мимо рѣки Тигра, онъ размахнулся и изъ всей силы швырнулъ башмаки въ воду. Они наполнились водою и утонули.

— Такъ вамъ и надо! сказалъ онъ и побрелъ далѣе домой.

И на душѣ у него стало легче.

Нѣсколько дней спустя, два рыбака закинули въ рѣку неводъ. Почувствовавъ что онъ сталъ тяжелѣе, они обрадовались.

— Должно быть, множество поймалось рыбы! сказали они и стали тянуть неводъ къ берегу.

Каково-же было ихъ удивленіе, когда вмѣсто рыбы въ неводѣ оказались тяжелые башмаки Абу-Гассана! Своими огромными гвоздями они въ нѣсколькихъ мѣстахъ прорвали неводъ и та рыба, которая уже въ него поймалась, быстро улизнула въ образовавшіяся дыры.

— Этого еще не доставало! въ огорченіи воскликнулъ одинъ изъ рыбаковъ.

— Да чьи это башмаки-то? спросилъ другой.

— А ты развѣ не видишь? Во всемъ городѣ только и были одни такіе—это у Абу-Гассана.

И, полные негодованія, рыбаки побѣжали къ дому Абу-Гассана. Онъ жилъ во второмъ этажѣ. Они размахнулись и бросили ему его башмаки въ окно. Одинъ башмакъ попалъ Абу-Гассану прямо въ лобъ, а другой въ полку, на которой были разставлены хрустальная посуда и духи. Полка не выдержала удара, сорвалась и весь хрусталь и духи посыпались на полъ и разбились на тысячи кусковъ.

Абу-Гассанъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ затеребилъ по восточному обычаю себѣ бороду и застоналъ. Увидѣвъ-же, что всему виною были его башмаки, онъ поднялъ къ небу обѣ руки и склонилъ голову на бокъ.

— О, эти мои несчастные башмаки! громко воскликнулъ онъ. — Доколѣ-же вы будете меня разорять? Въ прошлый разъ, благодаря вамъ, я едва избѣгъ тюрьмы, а теперь вотъ вы причинили мнѣ опять убытокъ! Ну, что мнѣ съ вами дѣлать? Вѣдь этакъ вы разорите меня въ конецъ!

И, дождавшись ночи, оно взялъ заступъ и башмаки и тихонько вышелъ въ садъ. Поставивъ фонарь на землю, онъ принялся рыть яму, чтобы закопать въ нее свои башмаки навсегда.

— Теперь вы не будете приносить мнѣ несчастье! ворчалъ онъ. —

Я вамъ отплачу! Я зарю васъ въ землю и вы въ ней сгніете и расползетесь на куски! Такъ вамъ и надо!

Онъ рыль яму, а въ это время зачѣмъ-то вышелъ на улицу его сосѣдъ. Увидѣвъ сквозь заборъ слабый свѣтъ фонаря въ саду Абу-Гассана, онъ остановился, приглядылся и пришелъ въ изумленіе.

— Навѣрное, онъ роетъ эту яму для того, рѣшилъ онъ,—чтобы закопать въ ней кладъ! Человѣкъ онъ богатый и скупой—и вотъ хочетъ спрятать отъ всѣхъ въ этой ямѣ свое золото и серебро. Побѣгу скорѣй и скажу губернатору!

Онъ приподнялъ фалды своего халата и со всѣхъ ногъ бросился къ дому губернатора.

— Великій повелитель! закричалъ онъ.—Иди скорѣе за мной! Абу-Гассанъ закапываетъ у себя въ саду кладъ!

„Великій повелитель“ въ это время укладывался уже спать. Услышавъ о деньгахъ, онъ тотчасъ-же спрыгнулъ съ постели, кое-какъ набросилъ на себя одежду и побѣжалъ со своими слугами къ Абу-Гассану.

— Гдѣ кладъ? Гдѣ кладъ? зашепталъ онъ, придя въ садъ къ Гассану и заставъ его за утапываніемъ земли надъ башмаками.—Давай сюда лопату! Разрывайте, братцы, землю!

— Какой кладъ? удивился Абу-Гассанъ, застигнутый на мѣстѣ.

Слуги схватились за лопаты и мигомъ раскопали яму. Въмѣсто золота и серебра въ ней оказались рваные башмаки.

— А, ты смѣяться надо мной! расвирился губернаторъ, уже ранѣе считавшій барыши.— Ты

опять подсовываешь мнѣ свои башмаки? Хорошо-же! Я тебѣ сейчасъ покажу! Взять его подъ стражу и отвести его въ тюрьму!

У бѣднаго Абу-Гассана выступилъ отъ страху потъ на лысинѣ.

Смилуйся надо мной, великій повелитель! залепеталъ онъ.—Клянусь тебѣ бородою пророка, что никакихъ денегъ я не пряталъ и никакого преступленія не совершалъ. Я только закапывалъ въ землю эти несчастливые башмаки!..

— Въ тюрьму, въ тюрьму! кричалъ расходившійся повелитель, не желая ничего слушать.—Я покажу тебѣ, какъ надо мною издѣваться и вторично подсовывать мнѣ башмаки!

Кто-то опять шепнулъ Абу-Гассану, что лучше было-бы откупиться и что если-бы онъ предложилъ повелителю кругленькую сумму денегъ, то навѣрное повелитель сложилъ-бы гнѣвъ на милость и отпустилъ-бы Абу-Гассана на волю. Такъ Абу-Гассанъ и поступилъ, какъ ему посовѣтовали на ухо. Онъ сбѣгалъ домой, принесъ сундучокъ съ пиастрами и протянулъ его къ губернатору.

— Ты правъ, повелитель, сказалъ онъ.—Я дѣйствительно нашелъ въ этой ямѣ кладъ и вмѣсто него зарылъ въ нее эти проклятые башмаки. Вотъ этотъ кладъ. Возьми этотъ сундучекъ себѣ!

У повелителя тотчасъ-же отлегло отъ сердца, онъ взялъ себѣ сундучокъ съ деньгами и, довольный, ушелъ къ себѣ домой. А Абу-Гассанъ еще долго стоялъ безмолвно у себя въ саду и глядылъ на башмаки.

— Хорошо-же! сказалъ онъ наконецъ.—Теперь я васъ доканаю,

презрѣнные башмаки! Вы не будете мнѣ вредить!

Онъ поднялъ съ земли башмаки, завернулъ ихъ въ тряпку и вышелъ съ ними за городъ. Долго онъ шелъ съ ними, высматривая мѣсто, куда-бы ихъ забросить. Было темно, сверкали звѣзды и низко надъ горизонтомъ висѣлъ молодой двурогій мѣсяць. Абу-Гассанъ все шелъ и шелъ и наконецъ сталъ уставать. Нужно было на что-нибудь рѣпаться. Невдалекѣ отъ него было небольшое озеро, въ которомъ отражались кроткія звѣзды. Онъ подошелъ къ нему и швырнулъ въ него башмаки — Буль-буль-буль!.. послышалось въ водѣ и узелокъ пошелъ ко дну.

— Теперь васъ не найдетъ никто! проворчалъ Абу-Гассанъ и побрелъ обратно въ городъ.

Но, какъ на грѣхъ, именно изъ этого озера была проведена вода въ Багдадъ для питья. Узелокъ съ башмаками поплавалъ немного, а потомъ подплылъ къ водопроводной трубѣ, его втянуло въ него и, вмѣстѣ съ водою, потащило въ городъ. Дойдя до болѣе узкаго мѣста, узелокъ застрялъ въ трубѣ такъ плотно, что вода совершенно перестала течь и весь городъ остался вовсе безъ воды. Всѣ переполошились. Начались волненія; народъ и скотъ изнемогалъ отъ жажды и за каждое ведро воды стали платить огромныя деньги. Завѣдующій водопроводомъ приказалъ немедленно-же разслѣдовать дѣло, но пока рабочіе добрались до истинной причины, многіе уже успѣли заболѣть отъ безводья или-же потратить на воду большія деньги.

Наконецъ рабочіе возвратились.

— Вода пошла! сказали они.— Мы прочистили! Въ трубѣ оказалась пробка.

— Какая пробка? воскликнулъ губернаторъ.—Гдѣ она? Какъ она могла туда попасть?

Рабочіе протянули къ нему узелокъ.

— Башмаки?! изумился губернаторъ.—Опять эти ужасные башмаки! Позвать сюда Абу-Гассана!

Гассана привели ни живаго, ни мертваго. Онъ еле стоялъ отъ страха на ногахъ. Увидѣвъ свои башмаки, онъ всплеснулъ руками и пришелъ въ отчаяніе.

— Ну, что мнѣ съ ними дѣлать? сказалъ онъ.—Опять нашлись!

Снова пришлось откупаться и на этотъ разъ уже очень порядочной суммой денегъ.

Абу-Гассанъ взялъ свои несчастливые башмаки и, опустивъ голову, печально побрелъ къ себѣ домой.

— Теперь я васъ сожгу! сказалъ онъ.—Я обращу васъ въ пепелъ и развѣю этотъ пепелъ по вѣтру!

Онъ пришелъ домой, развелъ на очагѣ огонь и бросилъ въ него свои ненавистныя башмаки. Но они были такъ мокры, пролежавъ двое сутокъ въ водѣ, что только шипѣли, и даромъ только горѣли дрова.

— Я васъ посушу, рѣшилъ Абу-Гассанъ,—а потомъ сожгу!

И вытащивъ башмаки изъ огня, онъ растворилъ окно и положивъ ихъ на подоконникъ сушиться на солнцѣ. Тутъ-же, на солнышкѣ, лежалъ его любимый котъ Ахматъ, жмурился и мурлыкалъ. Абу-Гассанъ давно уже не ѣлъ, а потому сѣлъ за столъ и принялся за ѣду.

Какъ вдругъ въ сосѣдней ком-

натѣ послышался чей-то чужой голосъ.

— Хозяинъ, обратился къ Абу-Гассану его слуга.—Здѣсь пришелъ какой-то человѣкъ съ собакой и спрашиваетъ тебя. Онъ говоритъ, что ты хотѣлъ купить хорошую сторожевую собаку.

— Пусть войдетъ сюда! сказала Абу-Гассанъ.

Какъ только въ комнату вошелъ незнакомецъ, съ собакой, котъ Ахматъ вскочилъ, оцетинился и зашипѣлъ, какъ змѣя. Собака вырвалась отъ хозяина бросилась къ кошкѣ и прыгнула на подоконникъ. Одинъ изъ башмаковъ не выдержалъ на себѣ тяжести собаки, подвернулся у нея подъ ногой и свалился на улицу, ударивъ прямо по головѣ проходившую мимо старуху.

— Караулъ, караулъ! закричала она и лишилась чувствъ.

Сбѣжался народъ, ее подобрали и отнесли въ больницу. Она долго хворала тамъ и когда наконецъ выздоровѣла, то ея мужъ отправился къ губернатору и пожаловался ему на Абу-Гассана и его башмаки.

— Опять эти башмаки! воскликнулъ въ гнѣвъ губернаторъ.—Да когда-же наконецъ я перестану о нихъ слышать!

А самъ и подумалъ:

„Это, должно быть, волшебные башмаки. Всякій разъ, какъ они появляются у меня передъ глазами, я богачю. Надо будетъ ихъ у Абу-Гассана отнять!“

И онъ приказалъ привести къ себѣ Абу-Гассана и принести его башмаки.

— Я беру твои башмаки себѣ! крикнулъ онъ на него.—А ты изволь дать мнѣ къ нимъ въ придачу двѣсти піастровъ!

Абу-Гассанъ протянулъ къ нему башмаки и глубоко вздохнулъ.

— Я отдалъ тебѣ уже все! сказалъ онъ.—Больше у меня нѣтъ уже ничего. Бери себѣ эти волшебные башмаки и, быть можетъ, они принесутъ тебѣ больше счастья, чѣмъ мнѣ. Быть можетъ, они чему-нибудь научатъ и тебя, а меня они уже научили.

— Чему-же они тебя научили? полюбопытствовалъ губернаторъ.

— Какъ не хорошо быть такимъ алчнымъ и такимъ скупымъ, какимъ былъ я.

И, опустивъ голову и скрестивъ на груди руки, Абу-Гассанъ повернулся и вышелъ отъ губернатора.

Теперь у него не было уже ничего, ему нечего было беречь и не для чего было теперь наживать новое богатство и покупать собакъ.

— Къ чему? Для чего? разсуждалъ онъ.—Я наживу, а какая-нибудь кошка или собака свалить съ окна башмакъ и этимъ разорить меня въ конецъ. Я буду не дождать и не допивать во всю жизнь, чтобы только сберечь и отложить лишній піастръ, а завтра придетъ смерть и лишитъ меня всего! Нѣтъ, ужъ лучше жить бѣднякомъ! Такъ куда покойнѣе!

И, возвратясь домой, онъ продалъ и раздалъ все, что имѣлъ, и самъ превратился въ бѣдняка. И болѣе покойной жизни онъ не испытывалъ никогда.

Налимъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Изъ чего состоитъ каждая цѣпь?

II.

Отчего собака не можетъ летать по воздуху?

III.

Отъ каждой изъ слѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ нихъ первую строку извѣстной басни Крылова:

1) Какія перья на грачѣ, сорокѣ и воронѣ?

2) Нечѣмъ шить; игла гдѣ-то затерялась.

3) Дай вамъ Богъ здоровья и счастья.

4) Солдатъ послалъ матери письмо изъ лазарета.

5) Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочекъ!

6) Мы купили фунтъ масла, немного швейцарскаго сыру и колбасы.

IV.

Названія какихъ фруктовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Вы уѣхали, а на насъ въ ваше отсутствіе свалилась масса заботъ.

2) Клубни картофеля составляютъ главную пищу населенія.

3) Кегли представляютъ собою игру шарами и чурками. Шаръ катится и валитъ чурки.

4) Дѣти, идите сюда скорѣй: принесли варенье!

5) Болотистая и песчаная земля никакой цѣнности не представляетъ.

6) Художникъ Айвазовскій превосходно рисовалъ море и волны.

7) Когда было не подѣ силу поднять тяжести, то я блокомъ втаскивалъ ихъ наверхъ.

V.

Названія двухъ большихъ городовъ поставлены рядомъ. Въ нихъ обоихъ шестнадцать буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15. 16.

Буквы: 9. 8. 9. 8. 10. 8. 5. 16 — означаютъ лѣсную птицу, 15, 14, 13, 2. 12. 6 — то, безъ чего невозможно проѣхать изъ города въ городъ и изъ села въ село, 1. 6. 10. 9. 16 — названіе мѣсяца, 4. 2. 3. 9. 13. 11. 1. 6 — городъ на Волгѣ, 2, 3. 9. 10. 5. 16 — сушу среди океана, 2. 3. 7. 6 — заразную болѣзнь, 11. 3. 9. 13. 11. 12. 16. — мѣсто расплаты за дурное поведеніе, 1. 6. 9. 13. 11. 3. 16 — морского воина.

VI.

Задуманы три слова, означающія:

1) Домашнее животное.

2) Хищную птицу.

3) Пѣвчую птицу.

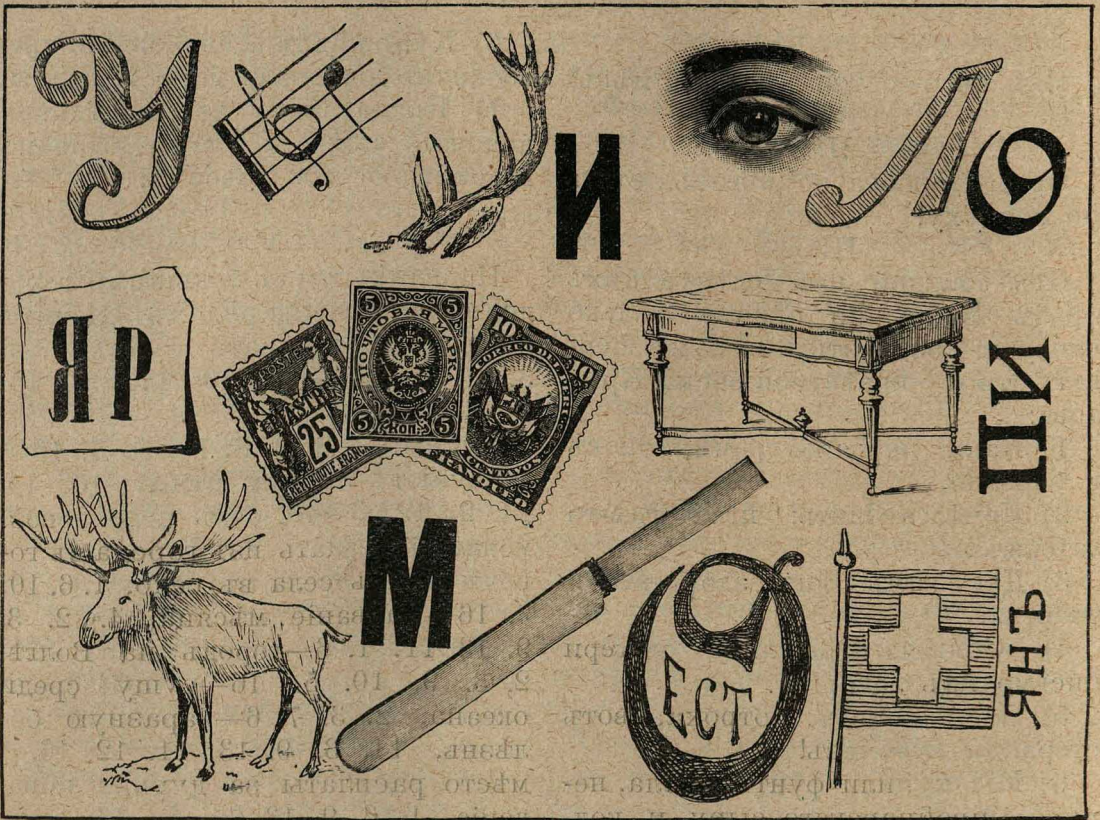
4) То, отъ чего мы дѣлаемся образованнѣе.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее сѣверную вкусную рыбу. При этомъ: первая часть названія этой рыбы означаетъ рогатое животное, а вторая — лиственное дерево.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

Ребусъ № 11.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 9, помѣщеннаго въ № 9 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. . . гвозди + ка (гвоздика), и + рисъ (присъ) . . . ро + за (роза) . . . а + стра (астра) . . . ро + Машка (ромашка). II. Деревянное масло. III. За плечами. IV. Арфа, рисъ, ферма, рифма, Самара = Серафимъ. V. Сирота = сирота.

Ребусъ № 9: Избы + строй + ре + к + ивы + с + к + очи + ли + г + лупы + ель + я + г + ушатъ + аис + ели + на + к + очки. = Изъ быстрой рѣки выскочили глухие лягушата и сѣли на кочки.

Вѣрные рѣшенія прислали: Милочка и Кеночка Козловскія, Всеволодъ Ширшовъ, Оля Хитрова, Надя и Ендрикъ Виноградовы, Зоя Пржемоветская, Елена и Людмила Мироничъ, Мурочка и Олечка Сыромяткины, Надюша и Юрочка Руженцовы, Шура Нина, Лена Кусакины, Вѣра Арефьева, Николай Эмихъ, Нюра Оменко, Жена, Люся и Сережа Мокшановы, Дѣти Ключковы, Нина Сарычева, Игорь Польскій, Вѣра Левандовская, Надюша Зеленская, Вѣра и Коля Крыловы, Ната Стеклова, Юра Карабляковъ, Жанъ-Мари и Каэтъ Галопень,

Ваня Донецкій, Яша Бахматовъ, Дима Дягилевъ, Зина и Юра Манштейнъ, Лесикъ Гордѣевъ, Боря Киничій, Слава Гайдеровъ, Надя, Жена и Люся Ивановы, Валя Ситникова, Вѣрочка Сѣровикова, Володя, Боря и Шура Заксъ, Кто-то безъ подписи, Дина Вдовиковская, Коля Канинъ, Соня Чефанова, Митя Снисаренко, Аня и Эрикъ Радазевскіе, Лида и Коля Широченко, Германъ и Маруся Тизенгаузенъ, Юля Пшенская, Саша и Лева Сузантъ, Александръ Красникъ, Всева Софроновъ, Юра Радде, Надя Терebinская, Лена Горбуновъ, Петя Костровъ, Витя Сегаловъ, Миша Третьковъ, Манечка Фрумкина, А. Б. Л., Машенька Петрова, Павлуша Герасимовъ, Ника Гершельманъ, Ирочка Росси, Лина и Веша, Глѣбъ Жуковский-Волыскій, Люся и Боря Красильниковы, Коля Корейшъ, Коля Пруссакъ, Лея Некрасова, Клара Коганъ, Зина и Дима Ракинины, Николай Мартышевъ, Ната, Мила и Валя Колпаковы, Боря и Лея Животковы, Милица и Ольга Гемпель, Таня и Ира Шалевичъ, Кося и Люся Эйманъ, Мата и Слава Барышпольскіе, Миша Глазенацъ, Рома Шполянскій, Толя и Маня Крупчановы, Воба и Шура Гольдштейнъ, Володя Крестовскій, Анна Новикова.

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.),

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к., на полгода—2 руб.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

За перемѣну адреса 28 копѣекъ почтовыми марками.

Редакція журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

РЕКОМЕНДУЕТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

ДЛЯ ДѢТЕЙ:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“. Повѣсть съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.,

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“. Съ иллюстраціями, цѣна съ перес. 60 к.

„ДРУЖОКЪ И ӨОМКА“. Повѣсть съ иллюстраціями, Цѣна 40 коп.

Выписывать можно открытымъ письмомъ изъ Редакціи журнала „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.